

Культурно-исторический подход к феномену жизненного опыта в старости

М. В. Ермолаева

кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии психологического факультета
Московского психолого-социального института

В статье обосновывается понятие жизненного опыта как высшей психической функции и основного новообразования позднего возраста. Жизненный опыт понимается как смыслообразующая структура личности, которая складывается на протяжении всего жизненного пути человека. Приобретенный опыт предоставляет возможность обрести экзистенциальный смысл и преодолеть страх конечности своего бытия. Жизненный путь рассматривается как общенаучное понятие, описывающее прогресс индивидуального развития человека от рождения до старости включительно. Рассмотрена роль некоторых медиаторов формирования жизненного опыта, таких, как слово, другой человек, миф и сказка, смысл. Жизненный опыт рассматривается как опыт, творящий собственное пространство, время и смысл. В формирование жизненного опыта вносят вклад самосознание, идентичность, рефлексия, смысловые и ценностные ориентации, пространственно-временные координаты жизненного пути.

Ключевые слова: жизненный опыт, жизненный путь личности, мудрость, самопознание, экзистенциальный смысл.

Культурно-историческая парадигма, применяемая к изучению различных видов психологической реальности, дает все новые эвристические возможности психологам. Одной из областей психологии, где возможности этой парадигмы почти не реализованы, является геронтопсихология. В данной статье мы намечаем культурно-историческую перспективу исследования важнейшего психологического новообразования пожилого возраста и старости — жизненного опыта.

У старости особое предназначение, специфическая роль в системе жизненного пути человека: именно старость очерчивает общую перспективу развития личности, с позиции старости можно понять жизнь человека как целое. В многочисленных работах, посвященных периоду старости, подчеркивается, что одновременно с инволюционными процессами на всех уровнях организации человеческой жизнедеятельности возникают изменения и новообразования прогрессивного характера, направленные на преодоление деструктивных явлений геронтогенеза и достижение нового уровня самоосуществления личности в мире (Л. И. Анциферова, Е. Ф. Рыбалко, Н. Ф. Шахматов, П. Балтес, Э. Эриксон и др.).

В культурно-исторической психологии есть общепринятые постулаты, к которым относится утверждение, что личность не может жить, не развиваясь, и это является главным способом существования личности на протяжении всего жизненного пути. Среди детерминант развития большую роль играют внутренние потенции самореализации — то, что называют субъектностью. Это означает, что в старости человек в большей мере остается личностью, если он сохраняет пространство для самопроявления и самореализации.

Утверждение о возможностях развития личности в старости, имеющееся практически во всех психологических трудах, посвященных этому возрасту, требует серьезного исследования средств, за счет которых осуществляется личностное развитие в старости. С. Л. Рубинштейн [16] рассматривал личностное развитие как реализацию потребности самовыражения в формах жизни и процессе жизни. В настоящее время накоплено достаточно оснований для утверждения, что самореализация в старости может осуществляться за счет трансляции жизненного опыта.

В настоящей работе мы предлагаем осмыслить жизненный опыт как способ аккумуляции субъектности в старости. К исследовательским задачам относится выявление существенных характеристик жизненного опыта, свидетельствующих о возможности развития личности в старости, описании его структуры, генезиса и способов его трансляции как путей самореализации в позднем возрасте.

Автор придерживается мнения, что жизненный опыт — это смыслообразующая структура личности, которая складывается на протяжении всего жизненного пути человека. Жизненный опыт — это не любой опыт вообще, а опыт самопознания и самосозидания. По мнению К. Ясперса (1994), человек создает себя лишь постольку, поскольку улавливает за этим созданием что-то иное, высший смысл. Реализуя потребность в понимании своего места в мире и, соответственно, потребность в самовыражении, человек в зрелые годы стремится к открытию смысла собственной жизни, а в старости — смысла жизни человека в целом и смысла смерти: в его сознании эта-

пы жизни надстраиваются один на другой и связываются в целое, благодаря трансцендентному интегрирующему началу.

Таким образом, жизненный опыт предоставляет возможность обретения экзистенциального смысла и преодоления страха конечности своего бытия. Анализ трудов В. Франкла позволяет утверждать, что открытие экзистенциального смысла в ходе обретения жизненного опыта позволяет человеку понять ответственность перед жизнью. Эта ответственность может быть понята с точки зрения неповторимости жизни и ее ценности (В. Франкл, 1999). Это понимание приходит к человеку в различные периоды его взрослой жизни (и прежде всего в экзистенциальные ее моменты). Однако в старости (далеко не всякой) для этого создаются особые условия: в конце жизни человек с особой ясностью осознает временность и необратимость жизни. В другие, более ранние, периоды жизни человек понять и принять этого не может — он слишком поглощен самим процессом жизни. В то же время сам смысл человеческого существования, по мнению В. Франкла, имеет основу в его необратимом характере.

Жизненный опыт не является прерогативой старости, он складывается на протяжении всего жизненного пути, но его значение как интегративной смыслообразующей структуры личности становится очевидным именно в старости. В старости человек, по словам К. Ясперса, «насыщен жизнью», однако в силу социальной ситуации развития он отстранен от жизни в обществе. Эти факторы позволяют пожилому человеку, наделенному богатым жизненным опытом, дистанцироваться от жизни и понять ее экзистенциальный смысл. Именно потребность постичь этот смысл во многом составляет суть духовных исканий человека.

Понятие жизненного опыта пожилого человека определяется нами в контексте направления, известного как «жизненный путь личности» (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Бодалев). В этом контексте жизненный путь рассматривается как общенаучное понятие, описывающее прогресс индивидуального развития человека от рождения до смерти. Жизненный путь характеризуется многомерностью и предполагает наличие множества автономных тенденций, линий и возможностей развития. Некоторые принципы культурно-исторического осмысления жизненного опыта намечены в работах С. Л. Рубинштейна. Так, по его мнению (1989), жизненный путь человека определяется тем, насколько и как человек включился в преемственную связь исторического развития. Поэтому жизненный опыт — это вклад субъекта в ценности и идеалы, создаваемые его поколением.

Содержание жизненного опыта определяется событийным рядом жизни человека. «События» — это узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека [15]. Таким обра-

зом, факты жизни интегрируются в жизненный опыт, только если они становятся личностным событием. Личность, осмысливая и переживая событие, определяет его значимость для себя и для других и прогнозирует последствия этого события в перспективе жизненного пути. Процесс интеграции жизненного опыта С. Л. Рубинштейн связал с активной работой самосознания.

По мнению С. Л. Рубинштейна, «по мере того как человек приобретает жизненный опыт, перед ним не только открываются все новые стороны бытия, но и происходит более или менее глубокое переосмысливание жизни. Этот процесс ее переосмысливания, проходящий через всю жизнь человека, образует самое сокровенное и основное содержание его существа, определяет мотивы его действий и внутренний смысл тех задач, которые он разрешает в жизни. Способность, вырабатываемая в ходе жизни у некоторых людей, осмыслить жизнь в большом плане и распознать то, что в ней подлинно значимо, умение не только изыскать средства для решения случайно всплывших задач, но и определить сами задачи и цель жизни так, чтобы по-настоящему знать, куда в жизни идти и зачем, — это нечто, бесконечно превосходящее всякую ученость, хотя бы и располагающую большим запасом специальных знаний, это драгоценное и редкое свойство — мудрость» [15, с. 244].

Цитируемое положение С. Л. Рубинштейна указывает на важнейшие особенности жизненного опыта (автор называет его мудростью): он формируется в результате переосмысления важнейших событий жизни, опыт переосмысления и иерархизации смыслов продолжается на протяжении всего жизненного пути, интеграция этого опыта составляет основу активности в плане самоопределения личности. Это позволяет сделать вывод, что интеграция жизненного опыта сопряжена с интенцией к расширению границ личности в мире и с освоением новых форм самоосуществления, т. е. с субъектной позицией пожилого человека.

Мысль о том, что жизненный опыт, являясь базисным интегральным образованием, детерминирует развитие личности в старости, близка к идее Э. Эриксона о достижении высшего уровня эго-идентичности (целостности, накопленной интеграции) как важнейшей задаче человека на заключительном этапе жизненного цикла. Автор определял этот «плод духовных исканий всей жизни» [23, с. 376] как накопленную уверенность эго в своем стремлении к порядку и смыслу: это принятие своего жизненного пути как единственно должного и не нуждающегося в замене, это эмоциональная интеграция и твердая уверенность в важнейших ценностях бытия. Высший уровень эго-идентичности, по мнению автора, позволяет отдельному человеку трансцендировать в целостность, развитую его культурой и цивилизацией.

Определение содержания жизненного опыта и его значения для старости позволяет перейти к вопросу о его структуре. По нашему мнению, жизненный опыт, накопленный человеком к заключитель-

ному этапу его жизни, включает в себя ценностный опыт, который связан с формированием идеалов, нравственных норм, важнейших мотивов, интересов, убеждений — того, что ориентирует усилия человека; опыт рефлексии о себе и предмете, связывающий все компоненты опыта между собой; опыт активизации, ориентирующий человека в собственных возможностях; операциональный опыт, объединяющий конкретные средства преобразования ситуации и своих возможностей, опыт сотрудничества; мудрость как экспертную систему знаний, позволяющую выносить взвешенное суждение в жизненно важных ситуациях, а также опыт смыслообразования и смыслоосознания. Расширение жизненного опыта происходит через взаимообогащающее смыкание различных видов опыта: непосредственного, чувственного, смыслового, оцениваемого эмоционально и опосредованно, на рациональном уровне.

Несмотря на различия представлений о жизненном опыте в философской литературе, он представляется как интегративное образование, результат душевно-духовной практики, синтез плодов разума, чувств и воли, в котором проявляется активность и ценность личности, и на который можно и должно полагаться при оценке окружающей действительности и своего места в ней. Столь важное значение жизненного опыта, акцентируемое в трудах философов, в настоящее время не получило должной разработки.

Новое направление разработки понятия «опыт» получило в геронтологии [12]. В своем фундаментальном труде «Удлинение жизни и деятельная старость» З. Г. Френкель определил опыт как основу адаптации живых организмов к предъявляемым им требованиям. Опыт, по мнению автора, дает возможность самосохранения жизнедеятельности и участия в прогрессе общества. З. Г. Френкель говорил об опыте вообще, а также о профессиональном и социальном опыте. Концепция З. Г. Френкеля подчеркивает важность исследования понятия опыта, но не раскрывает условий его обретения и трансляции.

Исследования жизненного опыта в психологии немногочисленны и проводятся на разных методологических и методических основаниях. Прежде всего следует назвать культурно-деятельностную разработку понятия опыта. А. Н. Леонтьев [9] рассматривал индивидуальный опыт субъекта как актуально существующую для субъекта расширяющуюся деятельность, представленную во времени — в форме его прошлого и предвиденного им будущего. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что на уровне прошлых впечатлений события и собственные действия субъекта «отнюдь не выступают для него как покоящиеся пласты опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий и поэтому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие его деятельности — сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого актив-

но отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы» [там же, с. 216—217]. Указывая, что вклады прошлого опыта в личность зависят от самой личности, автор подчеркивал, что человек вступает в активное отношение со своим опытом, который входит в личность благодаря внутренней работе осмысления и переосмысления событий жизни.

Опыт активен за счет активности личности, участвующей в его формировании. Как отметил Д. Дьюи [5], опыт не является замкнутым, он живой и поэтому развивающийся. Разумный опыт свободен от господства прошлого; он заключает в себе рефлексию, которая освобождает нас от ограничивающего влияния чувств, желаний и традиций.

В анализируемых трудах указаны источники и характеристики опыта. События жизни переживаются, оцениваются в системе ценностно-смысловых ориентаций личности, активно перерабатываются личностью и становятся его жизненным опытом. Жизненный опыт (пережитая человеком жизнь как опыт), определяющий ценность личности, его культурный потенциал, выступает в качестве постоянного объекта самоанализа. Таким образом, жизненный опыт подвергается личностью ценностно-смысловой и рефлексивной проработке, существует в постоянном внутреннем движении. Интериоризированное требует экстериоризации — опыт стремится к трансляции. Проблему трансляции опыта творца в искусстве обсуждал Л. С. Выготский [3]. Речь идет об опыте эмоциональной жизни, ее сложной переработки, однако искусство без акта трансляции и восприятия не бывает — «искусство есть социальное в нас» [3, с. 238]. По мнению автора, переплавка чувств творца совершается силой социального чувства, она вне нас, материализована и закреплена во внешних предметах искусства. Для того чтобы трансляция эмоционального опыта была действенной, необходим творческий акт преодоления чувства, его разрешения, победы над ним — только тогда возникает искусство. Эмоциональный опыт, по мнению Л. С. Выготского, обнажает мощные силы стремлений, которые могут разрешиться только в исключительно важных поступках. В связи с этим автор акцентирует практическое жизненное действие искусства, его воспитательное значение, которое заключается в «переплавке человека». Л. С. Выготский ставит вопрос о содержании жизненного опыта и его роли в процессе самоопределения человека. Содержанием жизненного опыта являются пережитые, подвергшиеся смысловой обработке отрефлексированные события жизни, в ходе иерархизации которых происходят их разрешение и упорядочение. В этом сложном, динамическом процессе актуализируется или изменяется смысл жизни, а вместе с ним возможность творчества своей жизни и перспектива побуждения самотворческого процесса в других людях. Смысл жизни презентуется личности как переживание полноты своего самовы-

ражения, интенсивности взаимодействия с жизнью. Это переживание уверенности человека в том, что его жизненный опыт актуален, необходим.

Обзор немногочисленных и очень разных исследований по проблеме позволяет разработать теоретический подход к определению содержания, генезиса и структуры жизненного опыта, обосновать его отнесенность к позднему возрасту и обозначить перспективы его эмпирического изучения. Общепсихологическую основу предлагаемого в статье подхода составляет положение о системном строении высших психических функций (к которым с полной ответственностью можно отнести опыт) и их системной организации. Применительно к обсуждаемой проблеме важно отметить, что идея Л. С. Выготского «зоны ближайшего развития» трансформируется в перспективу бесконечного развития человека. Процесс развития высшей психической функции — это приобщение к культуре, которая выступает как идеальная форма. В зрелых возрастах, в отличие от детства, человек вправе сам решать, входить ли ему в культуру (или культуре входить в него), либо оставаться вне ее. Как отмечает В. П. Зинченко [7], культура — это приглашающая среда, человек для нее вероятностен; культура весьма чувствительна и неучастие в ней даже одного человека есть форма ее разрушения. Приобщение к культуре в ходе формирования жизненного опыта предполагает ориентацию человека при оценке жизни на высшие ценности и смыслы и формирование интенции к самотворчеству и самоосуществлению. Идеальная форма имеет своих носителей, выступающих посредниками развития. Посредник, медиатор необходим, чтобы идеальные формы культуры раскрылись в своем человеческом содержании, чтобы стало возможным приобщение к ним. Л. С. Выготский рассматривал роль трех медиаторов: взрослый (в паре интериндивидуальной деятельности), знак и слово. Значение символа и мифа как медиаторов отмечалось А. Ф. Лосевым, позднее к ним он добавил смысл. Рассмотрим роль некоторых из ряда представленных медиаторов в формировании жизненного опыта.

Слово. Л. С. Выготский [2] указывал, что слово, направленное на разрешение проблемы, относится не только к внешним объектам, но и к поведению самого человека. С помощью речи можно обратиться на себя самого, как бы со стороны рассматривая себя как внешний объект. Таким образом, слово (как и другие медиаторы) вызывает к жизни духовные формы деятельности. В этом заключается первое условие формирования себя, самостроительства. В ходе речевого общения или обращения к печатному слову впечатления и события жизни приводятся в движение, осмысливаются, означиваются, структурируются, обогащаются и транслируются. М. К. Мамардашвили [14] отмечал, что язык является предсущей по отношению к любому индивидуальному развитию индивидуальной формой, так как слово способно породить особое состояние души и мысли — заглядывание внутрь самого себя, познание себя, рождение

свершителя. Здесь стоит упомянуть, что М. К. Мамардашвили настаивал на том, что природа не делает людей — они делают себя сами: каждый человек должен родиться второй раз и быть в ответе за второе рождение. Второе рождение личности сопровождается накоплением жизненного опыта, а слово, обладая качеством идеальной формы, является источником поливариантности развития, поскольку обеспечивает возможности практически любой реализации человеческого потенциала, конечно, если человек использует потенциал слова или обращается к нему. По мнению В. П. Зинченко [6], посредством слова индивид осуществляет целеполагание, становится свободным. Свободное слово имеет богатое внутреннее содержание, благодаря которому слово является источником порождения нового, в том числе и новых культурных форм. Таким образом, слово, богатое внутренним содержанием, является инструментом внутренней работы жизненного опыта. Посредством слов этот опыт находится в постоянном движении (в виде структуризации, осмысления, иерархизации и трансляции), а внутреннее движение — это и есть способ его существования. Следует отметить, что с помощью слова (как и других медиаторов) нужно обогащать опыт (жизненный опыт не может быть статичным, а его носитель — погруженным в себя). Необходим труд усвоения нового, который (по словам А. А. Ухтомского) есть абсолютное приобретение человека, преодоление себя и выход к новому уровню саморазвития.

Другой человек (в паре интериндивидуальной деятельности). По Л. С. Выготскому, открытие внутренней формы медиаторов начинается в совместной (по Д. Б. Эльконину — совокупной) деятельности ребенка с взрослым. Развитие высших психических функций идет от интерсубъективной деятельности к интрасубъективной. Один субъект деятельности делится своей предметной деятельностью и ее средствами — медиаторами — с другим субъектом. Так рождается первая высшая психическая функция. Что происходит дальше со вторым субъектом (ребенком), нам известно. Однако невозможно представить, что в драме первого рождения собственно человеческого в человеке взрослый оставался лишь статистом, медиатором, посредником. Как указывал М. К. Мамардашвили, «...человек всегда находится в стадии становления, и всякая история должна быть определена как история его усилия стать человеком. Человек не существует — он становится ... Фундаментальная страсть человека — дать родиться тому, что находится в зародышевом состоянии, осуществится ... страсть человека в том, чтобы осуществиться ... человек — это весьма напряженное усилие, длительный труд [13, с. 31]. Таким образом, взрослый в паре интериндивидуальной деятельности является создателем и носителем медиаторов, это его «духовное оборудование», его «духовная мастерская» (термины В. П. Зинченко), которая может быть более или менее богатой и современной. Транслируя

свой опыт интерпсихической деятельности, человек и сам себя создает, и помогает другим состояться. На определенной стадии развития (саморазвития) человек становится способным сделать выбор своей судьбы, самому определить свое лицо и самому нести ответственность за сделанный выбор. Этот опыт создает «пространства внутреннего избыток» (О. Манделштам), который ищет, как себя реализовать в реальном пространстве и времени. Опыт расширяется и углубляется, оценивается и выверяется в рефлексии. В ходе трансляции опыт соотносится с самой жизнью и проходит жесткую проверку, аккумулирует в себе энергию жизни. Статичность «покоящихся пластов опыта» определяет оскудение рефлексивных и духовных составляющих человеческой жизни, девальвацию его духовного оборудования. Благодаря «избытку внутреннего пространства», человек может стать «мерой всех вещей», а его возможности делаются соизмеримыми с потенциалом культуры [7].

Миф и сказка. С формированием жизненного опыта связано второе рождение человека. Так, Г. В. Ф. Гегель (1990) связывал второе рождение с превращением своей первой природы во вторую, духовную. Энергия такого рождения, т. е. усилие над самим собой, порождает процессы самоопределения личности. Формирование и расширение жизненного опыта — это непрерывающийся творческий акт создания новой формы, нового языка описания мира. Этот язык не поддается концептуализации, но уступает метафоризации. Во многом миф и сказка существуют как носители культуры древних народов. Многие выдающиеся литературные произведения метафоричны по форме и несут энергию мифа (сказки). В сказке отражается жизненный смысл и важнейшие нравственные ценности.

В работах С. Московичи, Р. Барта, А. Ш. Тхостова, Г. В. Бобрышевой, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского можно найти упоминания о сходности общественного, житейского опыта (по его содержательным и структурным особенностям) с мифологическим мышлением, отраженным в мифах и сказках. Когда речь идет о вычленинии особенностей и закономерностей, характеризующих «здоровый смысл» и научные представления, авторы предлагают обратиться к материалу мифов и остановиться на соотношениях архаичных и научных представлений [8]. Разумеется, «здоровый смысл» не тождествен жизненному опыту, но их объединяет целостность, неделимость, а значит и устойчивость к противоречиям (жизненный опыт дает возможность интегрировать разнообразные смыслы, но не «фиксируя» при этом их противоречивость, — тем самым создается пространство свободы, которая не переживается личностью как дискомфортная). Свободное пространство смыслов жизненного опыта (или «пространство внутреннего избытка»), опосредуясь языком сказки (мифа), инициирует деятельностный процесс в душе ребенка. В работе Л. И. Эльконина-

вой и Б. Д. Эльконина [22] волшебная сказка рассматривается в контексте процесса знакового опосредствования как модель ситуации «принятия решения», как инициатива героя в принятии на себя и осуществлении требований и вызовов этого мира. В волшебной сказке моделируется ситуация развития субъектности через акт принятия на себя ответственности, труда и решения задачи, заботы и работы по выполнению действия. Идентифицируя себя с героем, ребенок принимает решение войти в сложный мир взрослых.

Смысл. Жизненный опыт — это осознание, переживание, структурирование жизненного пути, которое постоянно переосмысливается. В интегральном опыте жизненный и творческий путь переживается как открытие: незавершенные пути в нем синтезируются, объединяются в творении человеком самого себя, самопостроении. Жизненный опыт строится в процессе самоконструирования личности, увеличения ее самопроявления и принятия мира в целом. Структура жизненного опыта постоянно обновляется за счет работы смыслопорождения и смыслостроительства: внешние детерминанты постепенно становятся все более опосредованными спецификой внутренней структуры, все более индивидуализированными. Новые, более зрелые структуры жизненного опыта освобождаются от лишних элементов, становятся более четкими, уравновешенными.

Порядок развертывания структур жизненного опыта определяется объективной характеристикой места и роли тех или иных объектов и явлений в жизни данного конкретного человека или системой смысловых связей [10]. Сращенность смыслов с жизненными процессами человеческого существования, их тесная связь с человеческим миром обуславливает то обстоятельство, что в смыслах открываются горизонты мира, которые выражаются в проективной потенции человеческого опыта [8]. Жизненный опыт отражает не жизненный мир (как организованную совокупность всех объектов и явлений действительности, связанных с данным субъектом жизненными отношениями), а жизненный смысл, заданный в пространственно-временных координатах.

В ходе расширения и углубления жизненного опыта в нем находит отражение процесс движения от жизненного смысла к экзистенциальному. По словам Д. А. Леонтьева [11], жизненный смысл, определяемый жизненным миром, служит адаптации в изменяющемся мире. Этот смысл может стать статичным, заданным, завершенным, навязанным. Он выступает скорее как необходимость, чем как возможность. Постановка вопроса об экзистенциальном смысле возможна только после выхода на уровень самодетерминации, осознания возможностей и ответственности за принятие решений или их отвержение, за личностный выбор. На уровне экзистенциального смысла человек принимает решения осознанно, а не под влиянием внешних факторов; его выбор носит субъективный и ответственный харак-

тер, он сопряжен с понятием риска и неопределенности [там же].

Таким образом, жизненный опыт, отражающий бесконечность мира, включает в себя область бесконечных смыслов (в отличие от области конечных значений). В нем запечатлены и находятся в постоянном движении смыслы важнейших событий жизни, иерархически организованные и венчаемые экзистенциальным смыслом.

В жизненном опыте проявляется субъектность, осмысленная структурность, аксиологичность, феноменальность, экзистенциальность человека. При этом рефлексия, прерывая непрерывный процесс жизни, выводит человека мысленно за его пределы. Человек способен, таким образом, занять позицию вне жизни, результатом чего может быть душевная опустошенность или построение новых нравственных основ жизни. В отличие от житейского, жизненный опыт свободен от полной поглощенности процессом жизни для выработки отношения к ней,

занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. По словам Марка Туллия Цицерона [21], старый возраст почитается только при условии, что он защищает себя, поддерживает свои права и до последнего дыхания управляет своей областью. По нашему мнению, стареющее общество должно предоставить пожилому человеку возможности для защиты своей ценности, суверенности и уникальности, опираясь на чрезвычайно значимое психологическое новообразование этого возраста — жизненный опыт. В связи с этим огромное значение приобретает проблема средств интеграции и трансляции жизненного опыта пожилых людей. Старость, как и детство, оказывается наименее психологически защищенным возрастом. Поэтому в разработке культурно-исторического подхода к психологической помощи старым людям важнейшим направлением становится изучение средств интеграции и трансляции жизненного опыта как главной ценности возраста.

Литература

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М.; Воронеж, 1999.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1983.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
5. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
6. Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М., 1995.
7. Зинченко В. П. Посох Манделштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
8. Козловский В. П. Культурный смысл: генезис и функции. Киев, 1990.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 2003.
11. Леонтьев Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке. М., 2005.
12. Лихницкая И. А., Бахтияров Р. Ш. Академик З. Г. Френкель и становление геронтологии в России // Успехи геронтологии. 1997. № 1.
13. Мамардашвили М. К. Европейская ответственность // Литературная газета. 1991. № 9 (5335).
14. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом // Вопросы философии. 1992. № 4, 5.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1989.
16. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
17. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб., 2002.
18. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М., 2001.
19. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 1999.
20. Хойфт Г., Крузе А., Радебольд Г. Геронтопсихосоматика и возрастная психотерапия. М., 2003.
21. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993.
22. Эльконина Л., Эльконин Б. Д. Знаковое опосредствование, волшебная сказка и субъективность действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. № 2.
23. Эрикссон Э. Г. Детство и общество. СПб., 1996.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
25. Ardelt M. Wisdom and life satisfaction in old age // Journal of Gerontology. Psychological Sciences and Social Sciences. 1997. № 52.
26. Baltes P. B. The aging mind: Potential and limits // Gerontologist. 1993. № 33 (5).
27. Baltes P. B. On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization and compensation as foundation of development theory // American Psychologist. 1997. № 52.
28. Baltes P. B. and Smith J. Toward a psychology of wisdom and its ontogenesis // Wisdom: Its nature, origins and development / Ed. by R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
29. Chandler M. D. and Holliday. S. Wisdom in a post apocalyptic age // Wisdom: Its nature, origins and development // Ed. by R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
30. Shea P. Ageing and wisdom // Learning and Cognition in later life / Ed. by F. Glendenning and J. Stuart Hamilton. Aldershot: Arena, 1995.

Cultural-historical approach to the phenomenon of personal life experience in senility

M. V. Ermolaeva

PhD in Psychology, professor at the Developmental psychology chair, Psychology faculty,
Moscow Psychological and Social Institute

The concept of personal life experience is substantiated as a higher mental function and the main new psychological formation at the advanced age. Personal life experience is regarded as meaning-procreative personality structure that is being formatted during the whole life course. It provides an opportunity to gain existential meaning and overcome the fear of cessation of personal being. Life course is understood in general scientific context as the concept describing the progress of individual human development from birth to senility. The role of several mediators of personal life experience formation – word, myth and fairy tale, symbol, meaning, the other person – is investigated. Personal life experience is regarded as the experience procreating its own space, time and meaning. Formation of personal life experience is influenced by self-consciousness, identity, reflection, life-meaning and value orientations and time-space determinants of one's life course.

Keywords: personal life experience, life course of a personality, wisdom, self-exploration, existential meaning.

References

1. *Abul'hanova K. A.* Psihologiya i soznanie lichnosti. M.; Voronezh, 1999.
2. *Vygotskii L. S.* Myshlenie i rech' // *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 2. M., 1983.
3. *Vygotskii L. S.* Psihologiya iskusstva. M., 1987.
4. *Gegel' G. V. F.* Filosofiya prava. M., 1990.
5. *D'yui D.* Psihologiya i pedagogika myshleniya. M., 1999.
6. *Zinchenko V. P.* Affekt i intellekt v obrazovanii. M., 1995.
7. *Zinchenko V. P.* Posoh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoi psihologii. M., 1997.
8. *Kozlovskii V. P.* Kul'turnyi smysl: genezis i funkcii. Kiev, 1990.
9. *Leont'ev A. N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.
10. *Leont'ev D. A.* Psihologiya smysla. M., 2003.
11. *Leont'ev D. A.* Novye gorizonty problemy smysla v psihologii // *Problema smysla v naukah o cheloveke.* M., 2005.
12. *Lihnickaya I. A., Bahtiyarov R. Sh.* Akademik Z. G. Frenkel' i stanovlenie gerontologii v Rossii // *Uspehi gerontologii.* 1997. № 1.
13. *Mamardashvili M. K.* Evropeiskaya otvetstvennost' // *Literaturnaya gazeta.* 1991. № 9 (5335).
14. *Mamardashvili M. K.* Mysl' pod zapretom // *Voprosy filosofii.* 1992. № 4, 5.
15. *Rubinshtein S. L.* Osnovy obshei psihologii. T. 2. M., 1989.
16. *Rubinshtein S. L.* Chelovek i mir. M., 1997.
17. *Styuart-Gamil'ton Ya.* Psihologiya stareniya. SPb., 2002.
18. *Ulybina E. V.* Psihologiya obydenного soznaniya. M., 2001.
19. *Frankl V.* Psihoterapiya na praktike. SPb., 1999.
20. *Hoift G., Kruze A., Radebol'd G.* Gerontopsihosomatika i vozrastnaya psihoterapiya. M., 2003.
21. *Ciceron M. T.* O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah. M., 1993.
22. *El'koninova L., El'konin B. D.* Znakovoe oposredstvovanie, volshebnaya skazka i sub'ektivnost' deistviya // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya.* 1993. № 2.
23. *Erikson E. G.* Detstvo i obshestvo. SPb., 1996.
24. *Yaspers K.* Smysl i naznachenie istorii. M., 1994.
25. *Ardelt M.* Wisdom and life satisfaction in old age // *Journal of Gerontology. Psychological Sciences and Social Sciences.* 1997. № 52.
26. *Baltes P. B.* The aging mind: Potential and limits // *Gerontologist.* 1993. № 33 (5).
27. *Baltes P. B.* On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization and compensation as foundation of development theory // *American Psychologist.* 1997. № 52.
28. *Baltes P. B. and Smith J.* Toward a psychology of wisdom and its ontogenesis // *Wisdom: Its nature, origins and development* / Ed. by R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
29. *Chandler M. D. and Holliday. S.* Wisdom in a post apocalyptic age // *Wisdom: Its nature, origins and development* // Ed. by R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
30. *Shea P.* Ageing and wisdom // *Learning and Cognition in later life* / Ed. by F. Glendenning and J. Stuart Hamilton. Aldershot: Arena, 1995.